18+

Андрей Тихомиров

В поисках отца

Повесть для детей

Андрей Тихомиров

В поисках отца. Повесть для детей

«Издательские решения»

Тихомиров А.

В поисках отца. Повесть для детей / А. Тихомиров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-629948-1

Мальчик из детдома искал отца в сложное послевоенное время, а также принимал участие в поисках угольной штольни вместе с другими ребятами.

ISBN 978-5-00-629948-1

© Тихомиров А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 16

В поисках отца
Повесть для детей
Андрей Тихомиров

© Андрей Тихомиров, 2024
ISBN 978-5-0062-9948-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Алексей искал отца повсюду.

– Ты где пропадаешь все утро? – встретил Алексея у входа Серега. – Его тут ищут, ищут, а он шляется где-то!

– А кто меня искал?

– Военный какой-то. Майор, кажется.

– Где он?

– Откуда я знаю, ушел наверно. Не будет же человек целый день ждать тебя.

– Давно ушел?

– Часа полтора прошло…

– А ты не заметил, в какую сторону?

– В сторону рынка.

Алексей сорвался с места и помчался на рынок. Серега что-то кричал ему вслед, но Алексей ничего не слышал.

«Если это тот самый майор, которого он видел на станции, значит отец жив и ищет его!» – думал он.

Алексей остановился у входа на рынок и, тяжело дыша, огляделся. На рынке было безлюдно. Под просторным навесом сидело несколько торговцев, лениво отгоняя назойливых мух, липнущих к винограду, яблокам и первым, еще не совсем зрелым помидорам. Прошел мимо ворот солдат с большим фанерным чемоданом в руках, прогрохотала телега, доверху наполненная свежим картофелем; поджимая хвост, пробежала тощая собака.

Алексей топтался на месте, не зная, куда пойти, кого спросить.

Если майор уехал, значит, его могли видеть шоферы.

Запорошенные пылью машины стояли в ряд, тесно прижавшись друг к другу. И только у самой крайней, стоявшей несколько поодаль, выкрашенной в ярко-зеленый цвет помятой полуторки возился вихрастый мальчишка. Алексей подошел, присел на корточки и стал наблюдать, как незаметно отрываются от земли задние колеса машины. Когда они повисли в воздухе, мальчишка выбрался из-под машины и стал снимать скат. Скат не поддавался.

– Ну, чего глазеешь? – повернулся он к Алексею. – Помоги снять.

Колесо сняли, заменили камеру и поставили на место. Пока Алексей вытирал паклей руки, мальчишка достал из кабины хлеб, сало, пару луковиц и все разделил поровну.

– На, ешь! Бери, кто же от хлеба отказывается! Мальчишки, усевшись рядом, вкусно захрустели сочным луком.

– Ты что, сам работаешь на этой машине? – спросил Алексей.

– Нет, бате помогаю. А ездить я умею, вот кончу семь классов, пойду на шофера экзамены сдавать. А ты откуда?

– Из детдома.

– И никого у тебя нет?

– Есть отец, а вот где, не знаю. Я был в оккупации, а потом нас освободили. Меня сюда привезли. Вот и разминулись мы с ним. Говорят, сегодня приходил в детдом майор, письмо от отца приносил, а меня не было.

– Где же ты был?

– Ходил эшелон с демобилизованными встречать.

– Постой, постой! Я тут видел какого-то майора. У него чемоданчик был в руках?

– Был, желтый такой.

– Ну, значит это он! Он все ходил спрашивал, кто на рудник, на новый, поедет.

– А куда он потом ушел?

– Уехал на «Студебеккере». У них все машины там новенькие. Мы тоже с батей собираемся туда махнуть. А вон и батя идет. Ну, бывай, ищи своего майора на руднике! Все машины идут туда по этой дороге.

– А кто меня возьмет?

– Тебе и не надо никого просить, дойдешь до подъема, заберись на самую верхотуру – там все машины пешком идут, на какую захочешь, на ту и сядешь.

К обеду Алексей вернулся в детдом. Два дня он никуда не отлучался. Даже когда на стадионе играли две лучшие команды города, Алексей с книжкой в руках сидел на скамеечке возле ворот. Сидел добросовестно, с утра до вечера, даже старый молчаливый детдомовский сторож и тот не выдержал.

– Ты что, на старости кусок хлеба у меня хочешь отбить?

– Ну что вы, нам хлеба теперь дают вот по такому куску три раза в день!

– Зачем же тогда сидишь тут.

– В понедельник майор приходил, а меня не было. Ребята сказали, что он письмо от отца привез…

– Майор, говоришь? Помню, был такой. Он даже сидел на этом самом месте…

– А вам он ничего не сказал?

– Говорил что-то про рудник, а что не помню. Когда я с базара шел, он уже сидел на машине, наверно, поехал на свой рудник.

Алексей чувствовал, что вот так, две недели, он ни за что не выдержит.

А что если самому съездить на рудник? Оставить записку и поехать. Он же не будет сидеть там целый месяц. Найдет майора, возьмет у него письмо – и назад. Это займет всего три дня, пусть его потом назначают дежурным по комнате хоть на целый месяц!

Вечером Алексей поделился своими планами с Серегой и Катей. План они одобрили.

Утром в тумбочке уже лежали три куска хлеба, три помидорины, спичечная коробка с солью и фляга, наполненная сладким чаем.

С флягой Алексей никогда не расставался. Флягу ему подарил отец. Когда они с мамой провожали его на фронт, он отстегнул ее от ремня и протянул сыну.

– Бери, только смотри, не теряй, вернусь с войны, проверю…

Побег был назначен на мертвый час. Когда все уснули, Алексей выбрался в открытое окно, добрался на четвереньках до забора, перелез и через час он был уже на повороте. Отсюда дорога круто уходила вверх. Две машины Алексей пропустил, чтобы посмотреть, откуда будет удобнее всего незаметно для шофера забраться в кузов.

Самым удобным местом оказалась дорога у валуна, который лежал на самой вершине подъема. Алексей залег за камень и стал ждать.

Прошла пустая полуторка, потом груженный досками ЗИС, прогрохотала телега, в которую был впряжен верблюд и наконец из-за поворота показался первый «Студебеккер». Алексей высунул из-за укрытия голову, но тут же нырнул назад: в кузове сидели люди.

Следующая машина шла груженная большущими ящиками, поверх которых был наброшен брезент. Когда кузов поравнялся с камнем, Алексей выбрался из своего убежища, догнал машину и спокойно забрался под брезент. Под брезентом между ящиками были брошены связки комбинезонов, и Алексей блаженно растянулся на мягких упругих тюках.

Было жарко и душно. Изредка, когда машина подпрыгивала на ухабах, пространство между ящиками заполнялось едкой белой пылью, и тогда Алексей с головой зарывался в комбинезоны, чтобы сдержать кашель.

Алексей пополз ближе к слуховому стеклу – здесь было не так душно, главное видно все, что делается в кабине. Устроившись поудобней, он полез в карман за флягой – фляги не оказалось! Он обшарил все вокруг, заглянул в щели между ящиками, но фляги нигде не было.

– Ну, конечно, забыл! Забыл под валуном! Может, спрыгнуть и вернуться назад? Впрочем, никто ее там не заметит, буду возвращаться, подберу, – успокоил себя Алексей, достал кусок хлеба, помятые помидоры и принялся за обед. Он ел и не спускал глаз с шофера.

Шофер Алексею понравился. Правда, он был рыжий-рыжий, просто страшно рыжий. У них в группе тоже был один рыжий, все его называли «Блином». Правда, жадюга он был невозможный. Если ему тетка присылала посылку, он прятал ее в тумбочку и когда все забывали о ней, – доставал по одному румяные деревенские пироги и съедал их в кустах за углом.

Машину рыжий вел осторожно. Перед каждой выбоиной замедлял ход, а когда впереди лежала ровная гладкая дорога, он прибавлял скорость и низко опускал щиток, на обратной стороне которого была приклеена фотография, и Алексей видел только ноги, обутые в красивые белые туфельки.

«Наверно, его девушка, – подумал Алексей, – и наверно, очень красивая, не станет же он улыбаться кому попало».

Убаюканный песней мотора, Алексей задремал. Ему приснилось, что унесли желтый чемоданчик. Напрасно бежали они с майором: воры забрались в машину и исчезли. Адрес отца майор почему-то не помнил.

Алексей проснулся от резкого толчка. Машина стояла у самого края дороги. Мотор не работал, и слышно было, как рядом в арыке журчит вода. Рыжий выбрался из кабины, достал ведро, сделанное из большого куска камеры, и спустился к воде. Он долго возился возле арыка, фыркал, ухал, ахал и потом вырос вдруг перед радиатором, весь мокрый, довольный, словно в арыке текла не вода, а холодный душистый морс. Рыжий поднял капот, и Алексей ничего больше не видел, только вздрогнул, когда сверху на брезент громко плюхнулось ведро.

Машина тронулась с места и, медленно набирая скорость, покатилась под гору. Алексей лежал на спине и смотрел вверх, где на брезенте растекалось большое сырое пятно. В самом центре пятна просочилась тяжелая капелька и, немного помедлив, плюхнулась прямо на нос! Алексей приподнялся и лизнул брезент языком, от этого пить захотелось еще больше и опять он вспомнил отцовскую фляжку. Вспомнил, как летом сорок второго года к ним во двор забежал пленный красноармеец. Он был страшно худой и обросший, гимнастерка висела на нем клочьями, а из обнаженного простреленного плеча текла кровь. Красноармеец бросился было к сараям, но увидел возле колонки пустую бочку, забрался под нее и замер. Через минуту во двор ворвались охранники. Они обшарили весь двор и бросились дальше.

Не успел Алексей подойти к бочке и сказать, что опасность миновала, как настежь раскрылись ворота и во двор въехала окрашенная в зеленый цвет передвижная радиостанция. Фашисты остановились рядом с колонкой, разделись до пояса и принялись вытаскивать из машины радиоаппаратуру.

Целыми днями они только и знали, что плескались под краном и не спеша возились в своих железных ящиках. Ночевали они тут же, в машине, предварительно выставив часового.…

Алексей стукнулся головой об ящик и проснулся. Машина остановилась. Алексей приподнялся и глянул в окошко: впереди стояло несколько автомашин, а шоферы, столпившись над самым краем пропасти, смотрели вниз. Алексей осторожно пробрался к левому борту и высунул из-под брезента голову.

Вечерело. Солнце опустилось на хребет горы и покатилось с вершины на вершину, пока не соскользнуло в черную расщелину. Оно упало и разлилось там на дне глубокой пропасти, и только широкие снопы лучистого ярко-красного пламени бушевали над горами и, уже остывая, окрасили небо в нежно-сиреневое. Стало темнеть, а дорога забиралась все выше и выше в горы. Временами она резко скатывалась вниз, петляла между скал и снова карабкалась на гору.

Когда стало совсем темно, Рыжий включил фары и запел длинную-длинную песню без слов. Временами он включал освещение в кабине и опускал щиток. Алексею видно было в круглое зеркальце, как Рыжий только на мгновение поднимал глаза и потом, глядя на дорогу, начинал задумчиво улыбаться. Его рыжие веснушки собирались у глаз и снова разбегались в разные стороны, разнося по всему лицу теплую улыбку.

Захотелось есть. Алексей порылся в карманах, но там ничего не оказалось.

«Ребята уже наверное поужинали и смотрят кино».

В среду в детском доме всегда показывали кино. Больше всего Алексей любил фильмы про партизан, особенно ему понравился «Секретарь райкома», им показывали этот фильм раз пять.

Отец, наверно, тоже попал к партизанам, поэтому и писем от него не было… Они с этим майором в одном отряде, наверно, воевали… и почему я не родился лет на шесть раньше! Обязательно стал бы партизаном…

Когда «Студебеккер» въезжал в залитое лунным светом ущелье, в котором находился рудник, Алексей крепко спал.

Рыжий загнал машину в гараж и, с трудом переставляя затекшие ноги, вывалился из кабины. Подошла вахтер тетя Дуся и, поставив на землю ружье, спросила:

– Где же это ты так долго пропадал? Галка твоя избегалась вся.

– Пришлось на заводе ждать, пока соберут, – кивнул Рыжий головой в сторону ящиков. – Ну, а вы тут как? – Все в порядке? До руды еще не дошли?

– Какой ты скорый, дай бог к зиме добраться. – Тетя Дуся поправила платок, повесила ружье на плечо. – Ну, не задерживайся, ступай домой. Галка еще не спит наверно, ждет. Иди отдыхай, груз завтра сдашь, завсклад в горы уехал, к утру будет, иди…

Возвращаться в жарко натопленную дежурку не хотелось, и тетя Дуся, запахнув потуже ватник, села на скамеечку и вытащила из кармана вязанье.

Высоко над спинами сонных гор плыла круглая, как лепешка, луна, освещая выстроившиеся в ряд машины. Тетя Дуся отложила в сторону вязанье и задумчивым взглядом посмотрела вокруг, и руки невольно потянулись к ружью: на последней машине брезент колыхнулся и что-то круглое подперло и подняло его. Тетя Дуся взвела курок и глянула еще раз – никого.

«Почудилось мне, что ли?» – подумала она, протирая глаза.

Глянула еще раз, опять никого. Брезент спокойно лежал на ящиках, и ни единый шорох, ни единое движение не нарушало ночного спокойствия.

Тетя Дуся прислонила к стене ружье и опять взялась за вязание. Через несколько минут глаза невольно потянулись к ящикам. Тетя Дуся вскочила! Опять из-под брезента торчит этот чертов арбуз! Она схватила ружье и бросилась к машине.

– Эй, кто там? Ну-ка вылазь!

Арбуз дернулся, громко чихнул и исчез.

– Вылазь, говорю, слышишь? Стрелять буду!

Никто не отвечал. Стало тихо-тихо, и только тысячи сверчков за оградой автобазы неутомимо поддерживали тишину.

– Считаю до трех, – предупредила тетя Дуся.

– Да я уже вылез… – сказал Алексей.

Тетя Дуся так стремительно повернулась, что стукнула ночного гостя дулом по голове.

– Так же убить можно, – обиделся Алексей.

– А ты не лазай по ночам где не положено.,

– Я совсем не лазаю…

– Значит, с луны свалился?

– И совсем не с луны, а из детдома.

– Ой, врешь, парень!

– А рудник этот правдашний?

– Ты мне зубы не заговаривай! Знаю я вашего брата, насмотрелась за войну!

– Ну вот честное пионерское, из детдома я!

– Ой, врешь, пионеры не катаются по ночам на чужих машинах! Шофер тебя видел?

– Нет.

– А где же ты умудрился забраться в машину?

– В городе.

– И целый день сидел под брезентом? Не вылазил?

– Он согнал бы меня с машины, если бы увидел…

– Это кто, Николай, что ли? Этот бы не согнал, – сказала тетя Дуся. – А что же ты ел целый день?

– У меня хлеба был кусочек и еще помидоры.

– Ну ладно, пойдем, так и быть, накормлю тебя, а ты мне расскажешь, зачем на рудник пожаловал.

Тетя Дуся взяла Алексея за руку и повела в дежурку. В дежурке тетя Дуся выложила на стол краюху свежеиспеченного хлеба, копченого леща, четыре картофелины и головку лука. Сама очистила картофелины, нарезала кружочками лук.

– Ешь, потом все расскажешь.

Алексей выпил кружку воды и с жадностью набросился на еду. Время от времени он мычал сквозь туго набитый рот, пытаясь что-то сказать, но тетя Дуся всякий раз останавливала его.

– Ешь, я подожду.

За воротами протяжно пропел сигнал.

– Кто-то еще из рейса вернулся, – тетя Дуся нехотя встала и пошла открывать ворота.

Вернулась она минут через десять и выложила перед Алексеем два огромных граната.

– Не забывают меня ребята, каждый что-нибудь да привезет из города. Хорошие они у нас… А плохим тут и не ужиться – работа тяжелая. Зимой особенно трудно, тогда неделями машины не могут пробиться на рудник. Ты бери гранат, угощайся. Вот этот, который побольше.

Алексей взял гранат, разломил его на две части, на стол посыпались крупные розовые зерна.

Расскажи о себе – попросила тетя Дуся, усаживаясь напротив.

– Началась война, папа уехал на фронт и каждый день стали бомбить немцы. Через месяц мамин завод эвакуировался. Мы написали бабушке письмо, что скоро приедем. Но выехать не смогли: в воскресенье мама пошла на рынок за молоком, а когда она возвращалась, началась бомбежка, не успела мама завернуть на нашу улицу, как где-то рядом упала бомба. Маму осколком ранило. Когда я прибежал, она еще была жива, увидела меня, заплакала.

– На, – говорит, – я сливок тебе взяла.

Отдала мне бутылку и умерла. А на другой день я получил письмо от папы, он писал, что находится в госпитале и что скоро приедет.

Я его два месяца ждал, а он так и не приехал, за мной два раза приходили – увезти меня хотели, но я спрятался.

– У кого же ты жил там?

– А меня бабушка к себе взяла, соседка наша. Я ей дрова рубил, воду носил и за мукой на рынок бегал. Только она очень боялась, что я тоже под бомбежку могу попасть, а бомбили нас часто, особенно, когда наши отступали. Потом сразу стало тихо и всю ночь было тихо, а утром, когда я вышел, – на улице никого, и дым черный над городом стелется. Только я до поворота дошел – слышу грохот, а это оказывается старик вот с такой бородой, пианино черное на телеге везет, везет, а сам оглядывается.

К обеду появились немцы на мотоциклах, с автоматами. Один подъехал ко мне и спрашивает:

– Где есть пекарня?

Пекарня была рядом с нами, через три двора, а я им показал совсем в другую сторону.

Потом появились машины с солдатами, а вечером на площади немцы повесили пятерых и каждому на грудь фанерку нацепили с надписью «коммунист».

В небе погасли последние звезды, а Алексей все рассказывал и рассказывал…

В шесть утра пришел сменщик.

– Мальчишка-то чей? – спросил он у тети Дуси, вваливаясь в дежурку.

– Тихо ты, не видишь, спит? – остановила его тетя Дуся. – Отца ищет, из детского дома, говорит, сбежал.

– И что ты с ним теперь будешь делать?

– Возьму к себе, если пойдет, уж больно хорош парень.

Сменщик сел за стол, расписался в журнале о приеме вахты, еще раз внимательно посмотрел на спящего Алексея и громко захлопнул журнал.

– А тебе всегда больше всех надо!

– Ну-ка, поднимайся! Вставай, вставай, так же все на свете проспать можно! Поднимайся, а то пельмени остынут. На полотенце – и бегом на речку, одна нога тут, другая там. Пока я на стол накрою, чтобы ты был уже готов.

Алексей выбежал во двор и крепко зажмурил глаза: жаркое майское солнце стояло высоко над горами.

«Вот это я поспал, – подумал Алексей, – уже часа два наверно. – Вспомнил, как он закоченел ночью под брезентом, и дрожь пробежала по всему телу. – Бывает же так: днем жарища, а ночью мороз».

Речка протекала рядом, метрах в двадцати от дома. Алексей бросил полотенце на куст и с разбега кинулся в прозрачную холодную воду, проплыл вдоль берега и, выбравшись из воды, побежал назад. Возле куста его ждала худенькая девчонка с двумя короткими, задранными вверх косичками.

– Здравствуйте, – протянула ему руку девочка, – я – Роза.

– Очень приятно, что не мимоза, – ответил Алексей, срывая с куста полотенце, – я запомню! – и вприпрыжку побежал домой.

Возле дома Алексей обернулся, девочка все еще стояла возле куста, опустив голову, и Алексею показалось, что у нее на ресницах блеснули слезы.

– Ты что так долго? – встретила его на пороге тетя Дуся.

– Да… девчонка там пристала одна…

– Девчонка? А-а, то верно наша Розочка. Зря ты про нее так, она очень хорошая девочка, ты с ней обязательно подружишься.

– Я с девчонками, тетя Дуся, не дружу!

– То девчонки, а то Розочка. Потом, она же всего одна девочка на весь рудник.

– А мне то что, я же не собираюсь здесь жить.

– И все же обижать девочек нельзя, это просто некрасиво.

Тетя Дуся наложила Алексею полную миску исходящих паром пельменей, а на самый верх этой чудесно пахнущей горки водрузила большущий кусок настоящего сливочного масла! Алексей проглотил слюну и взялся за ложку. Давно он не ел таких вкусных пельменей! Разве что до войны. Алексей рассказал тете Дусе, как они однажды зимой, когда было очень голодно, ночью забрались в немецкий склад. Двое стояли на карауле, а двое поползли к отдушинам. Они незаметно проползли мимо часовых, пробрались через отдушины в склад и, взяв по пяти банок консервов, благополучно вернулись назад. Ребятам так хотелось кушать, что они тут же

за углом вскрыли все десять банок, и самый маленький, не выдержал и горько заплакал: в банках была капуста, морковь, фасоль, но все это было сырое, несоленое и совсем безвкусное.

Утром на рынке они обменяли немецкие овощи на кусок жмыха и тут же, разделив его на четыре равные части, съели.

После пельменей пили чай с алычовым вареньем. Сидели за столом дотемна. Алексей рассказал, как наши освободили Симферополь, как его потом взяли в детдом.

– Знаешь что, – сказала тетя Дуся, приготовляя ему в маленькой комнате постель, – ты поживи у нас дня три-четыре, а я за это время расспрошу всех шоферов на руднике, и мы обязательно отыщем твоего майора. Раз он ехал к нам, значит он здесь. Мы еще спросим Розочкиного отца, он главный инженер рудника – он тоже должен знать. Все-таки это майор, а не щепка, затеряться он не может…

Проснулся Алексей поздно. Тети Дуси уже не было. На столе лежала записка «Я ушла на работу, вернусь в три часа. В кастрюле есть суп – подогрей. Сходи за хлебом – карточки и деньги на окне. Магазин в двухэтажном доме. Тетя Дуся».

Хлеба в магазине не было. Продавец сказал, что в пекарне обвалилась печь и что хлеб будет часов в двенадцать, не раньше. Алексей постоял, посмотрел на пустые полки и вышел. Сойдя со ступенек, он спрятался за угол: к магазину, размахивая на ходу сумкой, вприпрыжку бежала Роза. Метрах в пяти от магазина она остановилась, взяла сумку в другую руку, поправила платьице и чинно вошла в магазин.

Алексей хотел повернуться и идти, но его внимание привлек сложенный вдвое лист синей бумаги. Он лежал как раз на том самом месте, где останавливалась Роза! Алексей не спеша подошел, толкнул носком – лист развернулся – это были хлебные карточки! В магазине хлопнула дверь. Алексей поднял голову и покраснел, навстречу ему шла Роза. Когда она поравнялась с Алексеем, он протянул ей карточки и чуть слышно сказал:

– Возьмите, это ваши, вы уронили…

Через минуту они уже шли рядом и Роза рассказывала, как она уже второй раз теряет эти карточки.

– Просто нам дали невезучие карточки в этом месяце.

– Почему же невезучие? – возразил Алексей. – Они же не пропали! Два раза вы их теряли, и оба раза нашлись! А могло быть наоборот.

– Ну что вы! У нас на руднике еще не было случая, чтоб кто-нибудь потерял карточки и они не нашлись! Разве можно – это же хлеб…

Возле зеленой калитки они остановились, и Роза тронула Алексея за рукав:

– Пойдем к нам, я покажу тебе свои книжки. Алексей шагнул и остановился в нерешительности.

– Ну чего ты? Пошли, у нас никого нет.

– А ты не обманываешь?

– Что ты, смотри! – и Роза потрясла перед носом Алексея связкой ключей. – Наши все на работе!

Роза отперла двери, и они вошли в дом.

– Вот здесь я и живу, входи.

Алексей вошел и остановился, удивленно разглядывая небольшую уютную комнату. У окна стояли стол, два стула, диван, а против дивана на самодельных полках лежали книги, сотни книг!

– Тут и мои, и папины, – сказала Роза, проводя рукой по корешкам, – внизу мои, а наверху папины. А знаешь, какие из них мне больше всего нравятся? – Про путешествия, про дальние страны. Больше всех я люблю вот эти две, – Роза достала с верхней полки две толстые книги в зеленых переплетах.

– «История колониальных и зависимых стран», – прочел Алексей вслух и пожал плечами.

– Думаешь неинтересно? А вот скажи, что ты знаешь об Эфиопии? Ничего? Про Афганистан ты читал что-нибудь? – Нет. А про восстание сипаев в Индии? Хочешь, я тебе дам прочитать эти книги? Только начни читать, они тебе очень понравятся.

В окне показалась чья-то голова. Роза побежала к окну и ухватилась за чуб.

– Будешь еще подслушивать под окнами? Будешь?!

Чуб кричал, визжал, клялся, что не будет, но Роза была неумолима.

– Ты думаешь, я забыла, как в прошлое воскресенье ты клялся не шляться под окнами?

– Розочка, миленькая, честное пионерское, больше не буду!

– Последний раз прощаю, учти! – Роза отпустила чуб и он исчез.

Через минуту в комнату, потирая макушку, вошел Тимофей.

– Ты изверг рода человеческого. У тебя ни капельки жалости нет. Так же человека без волос оставить можно!

– А ты не лазай под окнами. Мал еще, вот подрастешь немножко…

– Ничего, я и сейчас не маленький, посмотри, какие у меня мускулы на правой руке.

Роза пощупала мускулы Тимофея и серьезно сказала, глядя на Алексея:

– Ничего мускулы, у меня точно такие были в прошлом году…

– А, – махнул рукой Тимофей, – что с вами, с девчонками, разговаривать, иди ставь лучше самовар, будем чай с вареньем пить.

Когда Роза вышла, Тимофей протянул Алексею руку.

– Давай знакомиться, меня зовут Тимофей.

– Алексей.

– Я знаю, мне тетя Дуся сказала. Это правда, что ты из детдома сбежал?

– Не сбежал, а уехал ненадолго…

В комнату вошла Роза, а за ней с самоваром в руках толстый круглощекий мальчишка. Он поставил на стол самовар.

Игнат медленно повернул толстую шею:

– Думаешь, я из-за тебя прихожу? – Я прихожу из-за варенья. Никто на руднике так вкусно не варит варенье, как ее мама. Ты сам, Алексей, сейчас убедишься в этом. Где та большая банка с малиной, неси ее сюда…

Возле калитки, громко скрипнув тормозами, мягко осел запыленный газик. Роза вскочила с места.

– Вы пейте, мальчишки, сами наливайте и пейте, я пойду – папу встречу.

Было слышно, как вошли взрослые, и в комнате сразу стало тихо и скучно. Первым не выдержал молчания Тимофей.

– Игнат, а Игнат!

– Ну что тебе?

– Давай в шахматы сыграем? Только одну партию…

– Что с тобой играть, все равно продуешь…

– Ну тогда давай в шашки?

– В шашки можно, – согласился Игнат.

Тимофей взял с полки коробку, высыпал шашки на стол и расставил их.

В комнату влетела Роза.

– Ой, мальчишки, а что мне папа обещал завтра принести! – Она прыгнула на диван, села, поджав ноги, и радостно улыбнулась. – Угадайте, ну? Считаю до трех. Ра-а-аз, – пропела она медленно, – два-а-а.

– Торт, да? – спросил Игнат. Роза замотала головой.

– Я знаю, – сказал Тимофей – он принесет тебе верблюда. Угадал?

– Три! Не угадали! Он принесет мне… – сделав большую паузу, Роза произнесла по слогам, – шахтерский фонарь! Вот!

– А зачем он тебе? – удивился Игнат.

– Я буду… буду… – запнулась Роза, соображая, что же она все-таки будет делать с этим фонарем. – Я буду…

– Будешь мышей в подвале караулить, – подсказал Тимофей.

Игнат засмеялся и полез под стол. Роза сделала вид, будто ничего не расслышала.

– Что ты ищешь там?

– Шашки белой не хватает.

– Не ищи, она в коробке с шахматами.

– А шахматы где?

– Твой же брат вчера унес.

Игнат вылез из-под стола, посмотрел внимательно вокруг, и, не найдя ничего подходящего, вытащил из кармана круглый медовый пряник и поставил его в центре доски.

– Ты какими будешь играть?

– Мне все равно, – ответил Тимофей и пошел белыми.

Роза с Алексеем подсели ближе к столу и стали внимательно наблюдать за игрой.

За окном протарахтел трактор, вслед за трактором проехала грузовая машина и опять стало тихо. От реки потянуло прохладой. В комнату ворвался свежий ветерок, пощекотал зеленые ладошки фикуса, качнул абажур, сделал в двери щель, сунул к взрослым свой любопытный нос, потом забился за шкаф и утих.

Из соседней комнаты слышались голоса. Дядя Семен и брат Игната спорили о чем-то, низко склонившись над картой рудника. С улицы постучали. Дядя Семен выпрямился.

– Войдите!

Вошел Николай, старший геолог, высокий, загорелый, с огромной черной бородой. Николай был самый заядлый охотник на руднике.

Прохор улыбнулся гостю.

– А-а, кладоискатель! Ты-то нам и нужен. Садись, – подвинул он Николаю стул.

Николай сел, не спеша извлек из кармана трубку, закурил и пустил под потолок несколько тонких колец.

– Что молчите? – спросил дядя Семен. Николай зажал трубку в кулак и пропустил сквозь пальцы длинную струйку сизого дыма.

– Хвастаться нечем. Таскаю буровые с горы на гору, а пользы?

Он вздохнул, устало закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

– Угля в этом районе нет, и никогда, слышите, никогда не было!

– А штольня? – возразил Прохор.

– Штольня! Штольня! Далась вам эта штольня! Ну, назовите мне хоть одного человека, который своими глазами видел эту…

– Погоди, Николай, не кипятись, – перебил его дядя Семен.

– О какой это штольне они говорят? – спросил Алексей, но ему никто не ответил.

Игнат проигрывал. Три шашки Тимофея уверенно двигались вперед. Стоило ему отдать первую, как две другие выходили в дамки. Игнат морщил нос, дергал себя за ухо, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Роза подмигивала ему, пытаясь подсказать, но он ничего не видел вокруг кроме коварных пешек. Тимофей с видом победителя подвинул на клетку вперед медовый пряник, который возглавлял тройку и, пренебрежительно глядя на Игната, сказал:

– Я пошел…

Игнат перешагнул своей пешкой через пряник, взял его осторожно двумя пальцами, осмотрел со всех сторон и отправил его в рот.

– А я съел!

Тимофей от неожиданности разинул рот. Роза и Алексей засмеялись.

Из-за двери опять послышались громкие голоса взрослых.

– Уголь есть! Ты его найдешь, даже если придется устанавливать по дюжине буровых на каждой горе! – отрезал дядя Семен.

– Чего они спорят? – шепотом спросил у Розы Алексей.

– Штольню какую-то потеряли, а найти не могут. Дядя Коля из-за нее бороду отрастил. Пока, – говорит, – не найду эту проклятую штольню, не сбрею.

– Сейчас из-за нехватки горючего простаивает электростанция, а что будем делать зимой, когда каждую машину придется по три дня трактором вытаскивать? – продолжал дядя Семен.

Прохор поддержал его.

– Трудновато придется без собственного уголька. Будет к зиме уголь – дадим руду, а не будет…

Прохор встал, посмотрел на часы. – Пойду, там лес должны подвезти. Ну, борода, желаю удачи, найдешь уголь, памятник тебе поставим.

В обеденный перерыв тетя Дуся отправилась во 2-ю автобазу. В гараже она уже никого не застала, гараж был пуст. Она зашла в диспетчерскую, выпила кружку воды и уселась возле открытого окна. Вошел дежурный диспетчер.

– В гости к нам пожаловала? – спросил он, устало опускаясь на скрипучий табурет.

– Пришла узнать насчет последней аварии, да ребят уже никого нет – все на обед ушли…

– Никуда они не уходили, в Красном уголке все, там и обедают. А насчет аварии – диспетчер помедлил немного, словно не хотел открывать до конца тайну, известную ему одному, и, пожав плечами, задумчиво добавил:

– Так мы ничего и не узнали… вряд ли удастся откопать машину…

Шоферы обедали: в центре длинного стола, застеленного старыми газетами, высилась горка аккуратно нарезанных ломтей черного хлеба, и вокруг этой горки кучками лежали редиска, помидоры, зеленый лук и вареная в мундире картошка. Перед успевшими уже обзавестись хозяйством стояли бутылки, наполненные кипяченым молоком. А когда кто-то достал из мешочка круг копченой домашней колбасы, первой домашней колбасы на руднике, и положил ее рядом с горкой хлеба, люди заулыбались. Сидящий в центре достал из кармана нож и разрезал колбасу на пятнадцать равных кружочков. Каждый взял по куску, и на бумаге остался последний, пятнадцатый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.